

Содержание

ТАНЦЫ НА СНЕГУ	9
Часть первая. Неправильный рыцарь	15
Часть вторая. Зимние забавы	97
Часть третья. Жизнь в повтор	187
Часть четвертая. Клоны и тираны	266
ГЕНОМ	367
Оперон первый, рецессивный. Спэцы	369
Оперон второй, экзогенный. Чужие	484
Оперон третий, доминантный. Натуралы	585
КАЛЕКИ	701

От автора

Самая первая и самая трудная задача писателя-фантаста, решившего описать мир будущего, — придумать этот самый мир. Конечно, существуют испытанные и проверенные декорации, которые переходят от романа к роману — как в западном кинематографе декорации какого-нибудь «Чужого» еще двадцать раз используются в фантастических фильмах категории «Б». Декорации эти — Звездолеты, Планеты, Бластеры, Император Галактики, Прекрасная Принцесса, Отважный Герой и Мировое Зло. Причем на роль Мирового Зла можно привлечь любую другую декорацию — хоть Планету, хоть Звездолет, хоть Императора. Наверное, любой опытный читатель сразу назовет несколько романов, сконструированных по этому принципу. Эти романы не обязательно будут плохи — ведь, кроме декораций, существует еще и игра актеров, и талант режиссера, и увлекательность самой пьесы.

Гораздо труднее придумать декорацию, в мировой фантастике не использовавшуюся. В «Геноме» я пытался сделать именно это — добавить к привычным атрибутам космической оперы и киберпанка неожиданную и все меняющую деталь. В итоге этой деталью стала генетическая модификация людей, разделившая цивилизацию на «спецов» — людей, приспособленных к какой-либо профессии, и «натуралов» — людей, генетически не измененных. Самое печальное состоит в том, что именно по этому пути человечество упрямо движется уже сегодня. Глупые дети президентов становятся президентами, не умеющие играть дети актеров — актерами, не умеющие петь дети певцов — певцами. И если завтра (а это завтра настанет) вам предложат улучшить своих детей, приспособить их к той

или иной профессии, — неужели вы откажетесь? Средневековая европейская цеховая традиция, индийские касты — все это вот-вот может вернуться — пусть и в измененной, технологичной форме. То, на чем держится современная европейско-американская цивилизация — свобода выбора, «мой ребенок может стасть кем угодно... даже президентом Соединенных Штатов!», исчезнет. Обернется старым русским анекдотом — «дети полковников не становятся генералами, потому что у генералов есть свои дети».

«Геном» — это роман о предопределенности. Роман о заданной судьбе, роман о людях, пожертвовавших не только свободой выбора, но и свободой чувств — ради профессионального успеха, ради гарантированного «места в жизни». Все это есть и сейчас, я лишь воспользовался тем инструментарием, что доступен писателю-фантасту, и довел ситуацию до крайности.

Пожалуй, это все, что я хотел бы сказать о «Геноме», за исключением маленького предупреждения. «Геном» — это роман-фарс, роман-пародия. Почему именно фарс? «История повторяется дважды — вначале в виде трагедии, потом в виде фарса», сказал когда-то Карл Маркс. Знаете, будущий гуру мирового пролетариата говорил очень много дельного. Ему просто не везло с толкователями и учениками...

«Танцы на снегу» — это, выражаясь языком романистов, «приквел» к «Геному». Тот же мир — но на двести лет раньше. Уже начались генетические модификации людей, но человечество еще мчит себя единым. Свобода уже утрачена, но этого еще никто не замечает. Каждая победа становится пирровой, но звон литавр заглушает голоса сомневающихся. А ведь, казалось бы, ничего особенного не произошло — просто цель стала оправдывать средства. Просто человечество попыталось жить разумно и правильно.

«Геном» — роман «взрослый», порой даже нарочито. «Танцы на снегу» — «роман воспитания», роман о подростке, открывающем для себя мир, ищущем в нем место под солнцем (и выбор солнц у него достаточно велик). Это было задумано сознательно — мы видим юность этого мира, и мы видим его зрелость. Открою маленькую тайну — я планирую написать и третий роман о мире «Генома». Пройдет еще двести лет, и... впрочем, не стану забегать вперед.

И один совет перед тем, как вы станете читать эту книгу. Если вы любите читать в хронологическом порядке — начинать

надо с «Танцев на снегу». Но я все-таки посоветовал бы вам в первую очередь прочитать «Геном». Именно в таком порядке эти романы были написаны, и мне кажется, что происходящие в книге события станут и понятнее, и интереснее именно при таком порядке чтения.

Впрочем, выбор в любом случае за вами. Моя власть над этими книгами закончилась, когда я написал слово

Конец.

Сергей Лукьяненко

Танцы на снегу

Пролог

В тот день мои родители воспользовались своим конституционным правом на смерть.

Я ничего не подозревал. Понимаю, что в это трудно поверить, но до самого конца у меня и мысли не было, что родители сдались. Отца уволили с работы больше года назад, его пособие кончилось, но мама продолжала работать на Третьих Государственных копях. Я не знал, что Третий Государственные давным-давно на грани банкротства и зарплата погашается рисом — который я ненавидел, и оплатой квартирных счетов — о которых я вообще никогда не вспоминал. Но так жили многие, и в школе трудно было найти ребят, у которых и мать, и отец имели работу.

Я пришел из школы. Бросил планшетку на кровать, а потом тихонько заглянул в гостиную, откуда звучала музыка.

Первое, что я подумал, — отец нашел наконец работу. Мама и папа сидели за столом, застеленным белой скатертью, посередине стола горели свечи в старинном хрустальном подсвечнике, который доставали только на дни рождения и Рождество. На тарелках были остатки еды — настоящей картошки, настоящего мяса, и я уж никогда не поверю, что папа не съел бы двух полных тарелок, перед тем как не доест третьью. Стояла полупустая бутылка водки, причем настоящей, и почти пустая бутылка вина.

— Тикки! — сказал отец. — Быстро за стол!

Меня зовут Тиккирей. Это очень звучное имя, но чертовски длинное и неудобное. Мама иногда зовет меня Тик, а отец — Тикки, хотя, по-моему, проще им было тринацать лет назад выбрать другое имя. Хотя с другим именем — это уже был бы другой мальчишка.

Я сел, ничего не спрашивая. Отец очень не любит расспросов, ему нравится рассказывать новости самому, даже если надо всего лишь сообщить, что мне купили новую рубашку. Мама молча положила мне гору мяса с картошкой и поставила рядом с тарелкой бутылку моего любимого кетчупа. Так я и слопал всю тарелку, в полнейшее свое удовольствие, прежде чем папа развел мое заблуждение.

Никакой работы он не нашел.

Для людей без нейрошунта сейчас вообще работы нет.

Надо ставить шунт, но у взрослых это очень опасная и дорогостоящая операция. А маме не платят денег, и, значит, им нечем даже оплачивать жизнеобеспечение, а я ведь прекрасно понимаю, что на нашей планете можно жить только под куполами.

Так что нас должны были выселить из квартиры и отправить во внешнее поселение, где обычные люди могут прожить год или два — если очень повезет.

Поэтому они с мамой воспользовались своим конституционным правом...

Я сидел словно каменный. Ничего не мог сказать. Смотрел на родителей, ковырял вилкой остатки картошки, которые только что перемешал с кетчупом, превратив в бурую кашицу. Ну люблю я все заливать кетчупом, хоть меня за это и ругают...

Сейчас меня никто не ругал.

Наверное, надо было сказать, что лучше мы все вместе отправимся в поселения и будем очень старательно проходить дезактивацию, возвращаясь с рудника, и проживем долго-долго, а потом заработаем денег достаточно, чтобы снова купить пай в куполе. Но у меня не получалось это произнести. Я вспоминал экскурсию на рудник, которая у нас однажды была. Вспоминал людей с серой кожей, покрытых язвами, которые сидели в древних бульдозерах и экскаваторах, вспоминал, как один экскаватор повернулся и поехал из карьера навстречу нашему школьному автобусу, помахивая ковшом. А из кабины улыбался «крокодильей пастью», которая у всех облученных появляется, экскаваторщик... Он, конечно, просто попугать хотел, но девчонки завизжали, и даже мальчишкам стало страшно.

И я ничего не сказал. Совсем ничего. Мама то начинала смеяться и целовала меня в макушку, то очень серьезно объясняла, что теперь мой пай на жизнеобеспечение продлен на семь лет, я успею вырасти, получить профессию, а нейрошунт у меня

очень хороший, они тогда здорово зарабатывали и не поскупились, так что с работой проблем не будет. Главное, чтобы я не связался с дурной компанией, не стал жрать наркоту, был вежливым с учителями и соседями, вовремя стирал и чистил одежду, подавал прошения на муниципальные продуктовые карточки.

Она заплакала только тогда, когда папа сказал, будто почуял мои колебания, что переменить уже ничего нельзя. Они подали заявку на смерть, выпили специальный препарат, поэтому им и выдали «прощальные деньги». Так что даже если родители передумают, они все равно умрут. Только тогда мне не продлят пай на жизнеобеспечение.

Есть мне больше не хотелось. Совсем. Хотя было еще мороженое, и торт, и конфеты. А мама шепнула на ухо, что из «прощальных денег» они оплатили мне день рождения на семь лет вперед. Специальный человек из социальной службы будет выяснять, какой мне нужен подарок, и покупать его, и приносить его в день рождения, и готовить праздничный ужин. Наша планета и впрямь бедная и суровая, но социальные службы у нас развиты не хуже, чем на Земле или Авалоне.

Мороженое я все-таки съел. Мама смотрела так умоляюще и жалобно, что я хоть и давился, но глотал холодные сладкие комки, пахнущие клубникой и яблоками. Потом мы, как обычно, прочитали молитву и пошли спать.

В Дом Прощаний родителям надо было идти рано утром. Если они задержатся до полудня, то тоже умрут, но тогда им будет больно.

Я пролежал часов до трех ночи, глядя на часы. Робот-трансформер, в виде которого были сделаны часы, сурово сверкал глазами, помахивал руками, переступал на месте, а иногда начинал водить по комнате тонкой спицей «лазерного меча». Мама всегда ворчала, что невозможно спать в комнате с «такой ерундой», но отключить робота не требовала. Она же помнила, как я радовался, когда в восемь лет мне подарили эти часы.

И только когда я понял, что думаю о родителях в прошлом времени, будто они уже мертвые, я вскочил, распахнул дверь и бросился к ним в спальню. Я не маленький. Я все понимаю. И что взрослые, даже если они родители, могут ночью делать, прекрасно знаю.

Только я больше не мог один.

Я бросился на кровать между мамой и папой. Уткнулся маме в плечо и заплакал.

Они ничего не стали говорить. Ни мама, ни папа. Просто обняли меня, стали гладить. Вот тогда я и понял — сразу, что они живые. Но только до утра. Я решил, что спать сегодня не буду, но все равно заснул.

Утром мама собрала меня в школу. И сказала, что я обязательно должен пойти на занятия. Провожать их не нужно. Долгие проводы — лишние слезы.

А папа заговорил, только когда они выходили из дверей:

— Тикки...

Он замолчал, потому что у него было слишком много слов и слишком мало времени. Я ждал.

— Тикки, ты поймешь, что это было правильно.

— Нет, папа, — сказал я.

Надо было сказать «да», но я не смог. Отец улыбнулся, но как-то очень тоскливо, взял маму за руку, и они вышли.

Конечно же, я их проводил. Издалека, чтобы они меня не видели. Мама очень часто оборачивалась, и я понял, что она меня чувствует. Но не стал показываться, я ведь обещал не провожать.

Когда они вошли в Дом Прощания, я постоял немного, пиня стену муниципалитета. Не в знак протеста, а потому что муниципалитет стоит напротив, через проспект Первопроходцев.

Потом я повернулся и пошел в школу. Потому что обещал.